А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А
города Москвы

С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва **№ 54** **27 февраля 2025 года**

О дисциплинарном производстве
в отношении адвоката
З.
по жалобе Е.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ….., с участием заявителя Е., адвоката З., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Е. от 11 сентября 2024 года (вх. № … от 12.09.2024) в отношении адвоката З. (регистрационный номер … в Едином государственном реестре адвокатов),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 22 января 2025 года вынесла заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с Разъяснениями № 1 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О поведении адвоката-защитника при отказе от него» и Разъяснениями № 2 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об участии в делах по назначению», исполнении адвокатом З. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Е., выразившемся в неподдержании 26 апреля, 08 мая, 15 мая и 17 мая 2024 года заявлений обвиняемого (подозреваемого) Е. об отказе от нее и в непринятии исчерпывающих мер, направленных на оказание помощи Е. в составлении жалобы на нарушение следователем его права на защиту и/или

самостоятельное обжалование соответствующего процессуального решения следователя;

2) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката З. по жалобе Е. от 11 сентября 2024 года (вх. № 7345 от 12.09.2024), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, и надлежащего исполнения профессиональных обязанностей перед доверителем.

Заявитель Е. в заседании Совета сообщил, что получил заключение Квалификационной комиссии, ознакомился с ним, с выводами не согласен, в полном объеме поддерживает доводы, изложенные в его письменных возражениях от 26 февраля 2025 года (вх. № .. от 26.02.2025). Отвечая на вопросы членов Совета, дополнительно сообщил, что, по его мнению, Квалификационная комиссия не рассмотрела его доводы и аргументы, на которые он обращал внимание в своей жалобе и в ходе заседания, и отдала предпочтение позиции и доводам адвоката З. перед его позицией и доводами.

Адвокат З. в заседании Совета сообщила, что получила заключение Квалификационной комиссии, ознакомилась с ним, с выводами не согласна. Полагает, что в заключении Комиссии содержатся сведения, не соответствующие действительности. О подаче доверителем Е. рукописных заявлений об отказе от нее как от защитника она узнала лишь впоследствии при ознакомлении с отдельными материалами уголовного дела. В ее присутствии обвиняемый Е. такие заявления не подавал, поэтому она не могла надлежащим образом реагировать на них, хотя устные отказы от нее заявлял несколько раз. За ее многолетнюю практику такая ситуация и такие взаимоотношения с доверителем возникли у нее впервые. Считает, что эта ситуация обусловлена, прежде всего, отказом доверителя от коммуникации с адвокатом. На вопрос о том, воспринимала ли она неоднократные отказы от нее доверителя Ер. как выражение недоверия к ней, ответить отказалась.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, выслушав его участников, Совет признает фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией. Совет не усматривает каких-либо процессуальных нарушений при разбирательстве в Квалификационной комиссии. Заявитель Е. не был ограничен в реализации права на дачу объяснений и представление доказательств в обоснование своей позиции. В свою очередь, выводы Комиссии основываются на совокупности представленных участниками дисциплинарного производства доказательств, в том числе на письменных материалах, на которые обращает внимание заявитель Е. в своих письменных возражениях. Одновременно с этим Совет считает необходимым скорректировать объем дисциплинарного обвинения в силу следующего.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что 25 августа 2023 года следователем Б. МРСО СО Следственного комитета Российской Федерации по городу Москве было возбуждено уголовное дело в

отношении заявителя Е. по признакам преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 318 и ст. 319 УК РФ. При этом на момент возбуждения уголовного дела отсутствовала информация о занятии Е. должности члена участковой избирательной комиссии с правом решающего голоса. В этой связи 22 декабря 2023 года руководителем Б. МРСО СО Следственного комитета Российской Федерации по городу Москве постановление о возбуждении указанного уголовного дела было отменено как вынесенное в нарушение взаимосвязанных требований п. 9 ч. 1 ст. 447 и п. 12 ч. 1 ст. 448 УПК РФ. 19 февраля 2024 года руководителем следственного органа Следственного комитета Российской Федерации по городу Москве с соблюдением взаимосвязанных требований, предусмотренных п. 9 ч. 1 ст. 447 и п. 12 ч. 1 ст. 448 УПК РФ, по тем же самым фактическим обстоятельствам было возбуждено новое уголовное дело в отношении Е., которое было передано для расследования в Б. МРСО СО Следственного комитета Российской Федерации по городу Москве.

Защиту Е. по первоначально возбужденному уголовному делу осуществлял по соглашению адвокат Ба., являющийся членом Адвокатской палаты Рязанской области.

19 марта 2024 года Е. и его защитник – адвокат Ба. были приглашены к следователю для проведения следственных и иных процессуальных действий по уголовному делу. Адвокат Б. в указанный день явился к следователю, тогда как Е. не явился, что повлекло невозможность выполнения запланированных процессуальных действий. Позже адвокат Ба. сообщил следователю, что Е. расторг с ним соглашение об оказании юридической помощи, в связи с чем у адвоката Б. отсутствуют правовые основания для дальнейшего участия в уголовном деле в качестве защитника Е.

По этой причине следователем С. проведение с Е. следственных и иных процессуальных действий было перенесено на 08 апреля 2024 года и в целях обеспечения права Е. на защиту 05 апреля 2024 года в 18.53 час. в АИС АПМ размещена заявка №… для назначения Е. защитника в порядке, предусмотренном ст. 50-51 УПК РФ. По данной заявке 05 апреля 2024 года в 20.35 час. защитником Е. была назначена адвокат З., которой Адвокатской конторой № .. Коллегии адвокатов «М.» 05 апреля 2024 года был выдан ордер с поручением «*защиты Е. в Б. МРСО СК г. Москвы*». 08 апреля 2024 года адвокат З. явилась к следователю для участия в следственных и иных процессуальных действиях с Е., однако последний вновь в следственный орган не явился. Как следует из пояснений адвоката З., которые в этой части заявителем Е. не опровергаются, следователь С. пытался выяснить по телефону причину неявки Е., однако дозвониться до последнего не смог. В этот же день следователем было вынесено постановление о назначении Е. защитника – адвоката З., а также удовлетворено ходатайство последней об ознакомлении ее с постановлением о возбуждении уголовного дела.

12 апреля 2024 года следователем С. было вынесено постановление о розыске подозреваемого Е. 26 апреля 2024 года около 15.00 час. Е. был задержан сотрудниками 4-го отдела полиции УВД на Московском

метрополитене, после чего доставлен к следователю С. в Б. МРСО СО Следственного комитета Российской Федерации по городу Москве. В этот же день в 18.30 час. следователь С. связался с адвокатом З. и попросил ее прибыть для участия в следственных и иных процессуальных действиях с Е. Поскольку адвокат З. в момент звонка следователя находилась в Б. районном суде города Москвы, где ожидала начала судебного заседания по вопросу продления срока содержания под стражей другому своему подзащитному, следователь С. согласовал с помощником судьи Б. районного суда города Москвы возможность для адвоката З. временно покинуть суд и явиться в следственный отдел для участия в качестве защитника Е. в следственных и иных процессуальных действиях с последним. Прибыв в следственный орган, адвокат З. в кабинете следователя С. впервые увидела Е., сидящего в наручниках. В этой связи адвокат З. заявила устное ходатайство о снятии с Е. наручников, которое было удовлетворено. От конфиденциальной беседы с адвокатом З. Е. отказался, посчитав ее нецелесообразной, и дополнительно письменно подтвердил это при допросе в качестве подозреваемого.

Вместе с тем, в ходе беседы следователя с Е. было установлено, что у последнего соглашение об оказании юридической помощи с каким-либо адвокатом не заключено.

Следователь С. в присутствии адвоката З. разъяснил Е. положения ст. 46 и 51 УПК РФ, предложил оказать содействие в вызове адвоката Б., от чего Е. также отказался, при этом подал следователю рукописное заявление об отказе «от услуг защитника З., так как заключит соглашение с адвокатом, выбранным лично». Это заявление Е. не было поддержано защитником – адвокатом З. Доказательств подачи последней собственного аналогичного заявления материалы дисциплинарного производства также не содержат. Постановлением следователя от 26 апреля 2024 года в удовлетворении этого заявления Е. было отказано со ссылкой на положения ч. 2 ст. 52 УПК РФ. При этом из текста постановления следователя не усматривается, что заявление Е. об отказе от защитника – адвоката З. было ею поддержано.

26 апреля 2024 года с 18.58 до 19.20 час. следователем был составлен протокол разъяснения Е. положений ст. 46, 51 УПК РФ, который Е. подписал. Далее, с 20.00 по 20.10 час. Е. с участием адвоката З. был допрошен в качестве подозреваемого и сообщил следующее: «*С копией постановления о возбуждении в отношении меня уголовного дела ознакомлен, она мне предоставлена. Конфиденциальное общение с защитником З. мне не требуется вообще. Желаю воспользоваться ст. 14 Конституцией РФ и не давать показания*». Иных показаний Е. не давал, от подписания протокола допроса отказался без указания мотивов. В этот же день в 20.30 час. Е. было предъявлено постановление от 08 апреля 2024 года о привлечении его в качестве обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 318 и ст. 319 УК РФ, от подписания которого Е. также безмотивно отказался. Затем, с 20.50 до 21.00 час. Е. с участием адвоката З. был допрошен в качестве обвиняемого. Вину в инкриминированных деяниях Е. не признал, по существу предъявленного

обвинения сообщил следующее: «*со своими правами обвиняемого я не ознакомлен, у меня плохое самочувствие, я отказываюсь от дачи показаний. Более по обстоятельствам дела на данный момент мне пояснить нечего*». От подписания протокола допроса обвиняемого Е. также отказался.

После этого в отношении Е. была избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении, и он был отпущен из Б. МРСО СО Следственного комитета Российской Федерации по городу Москве.

Из документов, представленных в материалы дисциплинарного производства самим Е., следует, что последний в порядке, предусмотренном ст. 91-92 УПК РФ, не задерживался, какие-либо его личные вещи, включая мобильный телефон, следователем не изымались. По словам адвоката З., мобильный телефон Е. постоянно находился у него, и он активно использовал его для личных целей.

26 апреля 2024 года следователем С. было вынесено постановление о частичном удовлетворении ходатайства Е. о выдаче ему копии постановления о возбуждении уголовного дела, копии протокола его задержания и предоставлении права на звонок. С учетом того, что Е. в порядке, предусмотренном ст. 91-92 УПК РФ, не задерживался, телефон у него не изымался, ходатайство было удовлетворено только в части выдачи копии постановления о возбуждении уголовного дела.

08 мая 2024 года адвокат З. вновь была вызвана в следственный орган для участия в уголовном деле в отношении Е. в качестве защитника последнего. В этот день Е. вновь подал следователю рукописное заявление следующего содержания: «*отказываюсь от защитника З.. Желаю осуществлять свою защиту самостоятельно*». В удовлетворении заявления (ходатайства) постановлением следователя С. в этот же день было отказано со ссылкой на ч. 2 ст. 52 УПК РФ. Указанное заявление Е. вновь не было поддержано защитником – адвокатом З. Из содержания постановления следователя также не усматривается, что заявление Е. об отказе от защитника – адвоката З. было ею поддержано. Доказательств подачи ею следователю аналогичного собственного заявления материалы дисциплинарного производства не содержат.

08 мая 2024 года адвокат З. и обвиняемый Е. были ознакомлены с составлением соответствующих протоколов: с 10.15 до 10. 25 час. – с постановлением от 01 мая 2024 года о назначении Е. комиссионной амбулаторной судебной психиатрической экспертизы; с 10.26 по 10. 27 час. – с постановлением от 11 марта 2024 года о назначении судебной лингвистической экспертизы; с 10.28 по 10. 20 час. – с постановлением от 26 февраля 2024 года о назначении судебной медицинской экспертизы. В каждом из этих протоколов обвиняемый Е. указывал об отказе от защитника З. «*в связи с ее профнепригодностью*», никак не мотивируя эти заявления.

10 мая 2024 года Е. и адвокат З. были уведомлены следователем С. о дне и месте предъявления Е. обвинения – 15 мая 2024 года в Б. МРСО СО Следственного комитета Российской Федерации по городу Москве. 15 мая

2024 года Е. представил следователю С. очередное рукописное заявление об отказе «*от предоставленного следствием защитника З. ввиду очевидного сговора ее со следователем и неисполнения моей защиты*». Как и в предыдущих случаях, указанное заявление Е. не было поддержано его защитником – адвокатом З., а также отсутствуют доказательства подачи ею собственного аналогичного заявления. В этот же день в удовлетворении данного заявления Е. постановлением следователя С. было отказано со ссылкой на ч. 2 ст. 52 УПК РФ. Из текста указанного постановления следователя также не усматривается, что заявление Е. об отказе от защитника – адвоката З. было ею поддержано.

Помимо этого, в протоколе от 15 мая 2024 года об ознакомлении Е. и его защитника З. с заключением судебной медицинской экспертизы Е. сделал рукописное заявление следующего содержания: «*отказываюсь от защитника З., так как она не осуществляет своих обязанностей по моей защите. В обстоятельствах дела не указано время инкриминируемого мне деяния, т.е. удара*». Адвокат З. указанное заявление об отказе от нее не поддержала. В протоколе от 15 мая 2024 года об ознакомлении Е. и его защитника З. с заключением комиссионной амбулаторной судебной психиатрической экспертизы Е. сделал заявление следующего содержания: «*от адвоката З. отказываюсь. Результаты экспертизы считаю ложными, добытыми незаконно и подлежащими моему обжалованию*». Адвокат З. указанное заявление об отказе от нее также не поддержала.

15 мая 2024 года от Е. в адрес следователя поступило еще одно рукописное ходатайство следующего содержания: «*Прошу отложить предъявление мне обвинения, так как у меня имеется предварительное заключение с защитником. От защитника З. отказываюсь*». Указанное ходатайство Е. не было поддержано его защитником – адвокатом З., которая также не заявила собственное аналогичное ходатайство. Постановлением следователя С. от 15 мая 2024 года со ссылкой на ч. 2 ст. 52 УПК РФ Е. было отказано в удовлетворении указанного ходатайства. При этом из текста указанного постановления следователя не усматривается, что ходатайство Е. было поддержано его защитником – адвокатом З. В этот же день Е. с участием адвоката З. было предъявлено обвинение в новой редакции, после чего он был допрошен в качестве обвиняемого. От дачи показаний по существу предъявленного обвинения, а равно от подписания процессуальных документов Е. отказался.

17 мая 2024 года Е. с участием адвоката З. был ознакомлен с заключением комиссионной судебной лингвистической экспертизы. Каких-либо заявлений в протоколе ознакомления с указанным экспертным заключением ими сделано не было. В этот же день обвиняемый Е. и его защитник – адвокат З. были уведомлены об окончании следственных действий, о чем был также составлен соответствующий протокол, в котором Е. сделал заявление следующего содержания: «*Об окончании следственных действий по уголовному делу №… уведомлен. С материалами уголовного дела и вещественными доказательствами желаю знакомиться раздельно от*

адвоката З., иные заявления и ходатайства заявлю в ходе выполнения требования ст. 217 УПК РФ».

Помимо этого, 17 мая 2024 года, обвиняемый Е. подал на имя следователя заявление следующего содержания: «*С 08.04.2024 в следственных действиях без моего ведома и против моей воли принимает участие в качестве госзащитника З.. Факт назначения З., а также ее действия (бездействие) лишают меня права на защиту. Заявляю несогласие с нарушением принципа равноправия сторон, который выражается в систематическом и намеренном нарушении моего права на защиту. Повторяю свой категорический отказ от З. в качестве госзазщитника*». Указанное заявление Е., как и предыдущие, не было поддержано его защитником – адвокатом З., которая также не подала аналогичное заявление. В этот же день в удовлетворении данного заявления Е. постановлением следователя С. было отказано со ссылкой на ч. 2 ст. 52 УПК РФ. При этом из текста указанного постановления следователя не усматривается, что заявление Е. об отказе от защитника – адвоката З. было ею поддержано.

19 мая 2024 года обвиняемый Е. и его защитник – адвокат З. были уведомлены о возобновлении предварительного следствия по уголовному делу № …. 06 июня 2024 года обвиняемому Е. были разъяснены права, предусмотренные ст. 27, ч. 2 ст. 28.2 УПК РФ и взаимосвязанные с ними положения п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, о чем был составлен соответствующий протокол. Обвиняемый Е. от прекращения уголовного преследования по указанным основаниям отказался, заявил, что «*ст. 208 п. 3.1 ч. 1 не разъяснена, с содержанием протокола не согласен*». В этот же день обвиняемый Е. и его защитник – адвокат З. вновь были уведомлены об окончании следственных действий, о чем был составлен соответствующий протокол, в котором Е. сделал заявление следующего содержания: «*Об окончании следственных действий по уголовному делу №… уведомлен. С материалами уголовного дела желаю знакомиться совместно и раздельно с адвокатом З. и защитником по соглашению, которые предоставит ордер позднее. С вещественными доказательствами знакомиться желаю. Иных заявлений и ходатайств на данный момент не имею*».

10 июня 2024 года в уголовное дело на основании предъявленного ордера в качестве защитника Е. по соглашению вступил адвокат Р., в связи с чем заявление Е. об отказе от адвоката З. следователем С. было удовлетворено, и она была освобождена от осуществления защиты Е.

Оценивая дисциплинарное обвинение в незаконности вступления З. в уголовное дело в качестве защитника Е. по назначению следователя, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о его необоснованности. Квалификационная комиссия в заключении подробно обосновала правовые основания и условия вступления адвоката в уголовное дело в качестве защитника, которые адвокатом З. были соблюдены. Как указано выше, адвокат З. вступила в уголовное дело на основании заявки, размещенной следователем в АИС АПМ, каких-либо оснований для отказа от вступления в уголовное дело или препятствий к этому у нее не имелось.

Утверждения Е. в жалобе о «навязывании ему услуг адвоката З.» Совет также рассматривает как голословные, поскольку они не подтверждены какими-либо доказательствами. Описанные выше обстоятельства, относящиеся к поведению Е. до вступления в дело адвоката З., свидетельствуют о том, что ему было достоверно известно, как о факте возбуждения в отношении него уголовного дела, так и о его вызовах в следственный орган, которые он игнорировал, что впоследствии и явилось основанием для объявления Е. в розыск. При этом уголовное дело № …, возбужденное 19 февраля 2024 года, по фактическим основаниям и по его участникам полностью дублирует уголовное дело №…, возбужденное 25 августа 2023 года и после производства ряда процессуальных действий с участием Е. прекращенное в связи с несоблюдением специальных гарантий при его возбуждении. В этой связи утверждения Е. о том, что адвокат Зубова С.О. «намеренно скрыла» от него факт возбуждения уголовного дела, также рассматриваются Советом как надуманные. Если бы Е. явился по вызову следователя 08 апреля 2024 года, то в этот же день узнал бы об участии в уголовном деле его защитника по назначению – адвоката З. Поэтому утверждение Е. о сокрытии от него адвокатом З. факта ее назначения защитником также расценивается Советом как необоснованное.

К такому же выводу Совет приходит и в отношении дисциплинарного обвинения в содействии адвоката З. следователю в нарушении прав Е. на звонок родственникам, на получение копии протокола задержания, на вызов для участия в следственных и иных процессуальных действиях повесткой. Как установлено в результате дисциплинарного разбирательства и описано выше, Е. в порядке, предусмотренном ст. 91-92 УПК РФ, не задерживался, его право и возможность пользоваться личным телефоном следователем не ограничивались. Факт наличия в телефоне Е. аудиозаписи хода производства с его участием 26 апреля 2024 года следственных и иных процессуальных действий свидетельствует об этом же. Е. не представлено каких-либо доказательств того, что сотрудниками полиции у него изымался мобильный телефон или выбывал иным способом из его владения во владение иных лиц. При этом в соответствии с ч. 1 ст. 96 УПК РФ право на телефонный звонок предоставляется подозреваемому при задержании в порядке, предусмотренном ст. 91-92 УПК РФ. Соответственно, поскольку Е. в таком порядке не задерживался, основания для реализации им этого права не возникли.

Утверждения Е. об участии адвоката З. в «искажении фактов в процессуальных документах» также рассматриваются Советом как надуманные. Совет в этой связи отмечает, что адвокат не может нести ответственность за содержание составленных иным участником уголовного судопроизводства в пределах его компетенции тех или иных процессуальных документов, а оценка действий следователя, сотрудников полиции находится за пределами компетенции органов адвокатского самоуправления. Это же относится и к утверждению Е. о том, что адвокат З., видя, что Е. доставили в кабинет «силой, в наручниках», не потребовала от следователя сообщить

основания задержания и доставления Е. Адвокат З. пояснила, что именно по ее просьбе наручники с Е. были сняты, что подтверждается аудиозаписью, представленной самим заявителем Е. Кроме того, фактическое ограничение свободы передвижения Е. было обусловлено фактом объявления его в розыск после неоднократных неявок к следователю, поэтому причины его задержания и доставления к следователю были очевидны. Кроме того, Е. не отрицает фактов получения им звонков следователя, который вызывал его для проведения процессуальных действий. Уведомление лица о необходимости явки к следователю при помощи средств связи допускается уголовно-процессуальным законодательством (ч. 2 ст. 188 УПК РФ). При этом адвокат З. к организации вызова Е. к следователю отношения не имела.

Дисциплинарные обвинения в «принуждении» заявителя Е. следователем С. с участием адвоката З. путем угроз к участию в процессуальных действиях также являются голословными, тогда как в соответствии с п. 6 и 7 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката жалоба признается допустимым поводом, когда в ней указаны конкретные действия (бездействие) адвоката, в которых выразилось нарушение им требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката, а также обстоятельства, на которых лицо, обратившееся с жалобой, основывает свои требования, и доказательства, подтверждающие эти обстоятельства.

Утверждения заявителя Е. о нарушении адвокатом З. его права на свободный выбор защитника опровергаются документами, представленными в материалы дисциплинарного производства им самим. Как уже отмечено выше, Е. с августа 2023 года было достоверно известно о возбуждении в отношении него уголовного дела, и возможность реализовать свое право на свободный выбор защитника у него имелась. Однако на момент вступления в уголовное дело адвоката З. он отказался от реализации этого права, о чем свидетельствуют описанные выше обстоятельства.

Оценивая дисциплинарное обвинение в игнорировании адвокатом З. просьбы Е. о вызове врача, Совет отмечает его очевидную бездоказательность, в том числе и в связи с отсутствием в жалобе каких-либо сведений о том, что он нуждался в медицинской помощи.

Совет также отмечает, что 26 апреля 2024 года Е. устно и письменно (в протоколе допроса в качестве подозреваемого) отказался от конфиденциального общения с адвокатом З., лишив ее возможности мотивированно и обоснованно реагировать на его процессуальное поведение. При этом, как следует из материалов, представленных самим Е., его позиция по различным вопросам поддерживалась адвокатом З. В этой связи сам по себе факт подписания адвокатом З. постановлений о привлечении Е. в качестве обвиняемого, протоколов допросов последнего в качестве подозреваемого и обвиняемого состава дисциплинарного нарушения не образует.

К такому же выводу Совет приходит и в отношении дисциплинарного обвинения в неразъяснении Е. адвокатом З. порядка назначения и проведения судебных экспертиз.

В части дисциплинарных обвинений в том, что адвокат З. «поучала и стыдила» Е., называла его требования о соблюдении УПК РФ «капризами», предлагала «не артачиться» и «не эмоционировать», «насмехалась над общественной деятельностью» Е. как члена избирательной комиссии, Совет также приходит к выводу о том, что каких-либо доказательств использования адвокатом З. высказываний, умаляющих честь и достоинство Е., в жалобе не приведено. Даже в процитированном в жалобе Е. фрагменте стенограммы такие высказывания отсутствуют. Более того, адвокат З. отметила, что фраза «не эмоционируй» относилась не Е., а к иному ее доверителю, с которым адвокат З. беседовала в коридоре при открытой двери кабинета следователя С. Данные утверждения адвоката З. заявителем Е. не опровергнуты.

Относительно дисциплинарных обвинений в незаявлении адвокатом З. обращений и ходатайств о допущенных, по мнению заявителя Е., нарушениях при назначении по уголовному делу судебных экспертиз, об отсутствии ходатайств и заявлений адвоката З. в период с 05 апреля по 06 июня 2024 года, в том числе после ознакомления с материалами уголовного дела в порядке, предусмотренном ст. 217 УПК РФ, Совет отмечает, что принятие решений о заявлении и содержании конкретных ходатайств, заявлений, обращений, жалоб по уголовному делу относится к вопросам тактики и стратегии защиты по уголовному делу, направленных на подтверждение и обоснование позиции, занимаемой подзащитным по существу уголовного дела. Решение таких вопросов относится к исключительной компетенции самого адвоката, который по своему статусу, закрепленному законодательно (п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), является независимым профессиональным советником по правовым вопросам. В силу этого органы адвокатского самоуправления не считают для себя допустимым вмешиваться в такие решения адвоката.

При этом, как уже отмечалось выше, заявитель Е. сам отказался от какого-либо общения с адвокатом З., о своей позиции по существу предъявленного ему обвинения никаких пояснений ей не давал, а также отказался не только от дачи показаний, но даже от подписания процессуальных документов. Кроме этого, в жалобе Е. не конкретизируется, о каких заявлениях, обращениях, ходатайствах или жалобах идет речь, и в связи с какими обстоятельствами, по мнению Е., требовалось их заявление адвокатом З. В этой же части Совет отмечает, что ознакомление с материалами уголовного дела в порядке, предусмотренном ст. 217 УПК РФ, адвокатом З. не было завершено по причине ее выхода из уголовного дела в связи со вступлением в него защитника по соглашению.

Оценивая дисциплинарное обвинение в том, что адвокат З., как указывает Е., «своими действиями (бездействием)» совершила «предательство клиента», так как «злонамеренно вступила в сношения с

противником своего доверителя во вред ему», Совет вновь отмечает его голословность и бездоказательность, тогда как именно на заявителе Е.. лежит обязанность обосновать и подтвердить доказательствами каждое выдвигаемое им в отношении адвоката дисциплинарное обвинение.

По указанным причинам Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в части, касающейся всех перечисленных выше дисциплинарных обвинений, признавая презумпцию добросовестности адвоката З. в этой части неопровергнутой.

Как правильно указала и обосновала в заключении Квалификационная комиссия, доводы жалобы Е. о совершении адвокатом З. совместно со следователем С. действий, связанных, по мнению заявителя, с фальсификацией процессуальных документов, включая протоколы допроса Е. в качестве подозреваемого и обвиняемого, не могут быть рассмотрены по существу органами адвокатского самоуправления, поскольку рассмотрение заявлений о совершении уголовно-наказуемых деяний выходит за пределы их компетенции.

Переходя к оценке дисциплинарного обвинения в несовершении адвокатом З. всех необходимых профессиональных действий в связи с отказом обвиняемого Е. от нее как от защитника, Совет, прежде всего, считает необходимым отметить, что адвокат обязан исполнять решения органов адвокатского самоуправления, принятые в пределах их компетенции (пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Как установлено в результате дисциплинарного разбирательства и описано выше, на протяжении всего периода участия адвоката З. в уголовном деле в качестве защитника Е. последний неоднократно (26 апреля, 08, 15 (четырежды) и 17 мая 2024 года) делал письменные заявления об отказе от нее как от своего защитника, в том числе и по мотиву «очевидного сговора ее со следователем».

В процессуальной ситуации отказа обвиняемого от защитника по назначению адвокат З., действуя разумно и добросовестно, как того требуют пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, должна была руководствоваться Разъяснением № 1 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О поведении адвоката-защитника при отказе от него», а также Разъяснением № 2 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об участии в делах по назначению» и совершить комплекс необходимых действий, предусмотренных этими разъяснениями, а именно: поддержать заявленный отказ от нее и сделать собственное заявление, обратив внимание следователя на то, что полноценная защита возможна лишь тогда, когда обвиняемый доверяет адвокату, а отсутствие доверия должно повлечь удовлетворение отказа от

защитника; в случае вынесения следователем постановления, отклоняющего указанное заявление об отказе, помочь Е. составить жалобу на нарушение следователем его права на защиту и/или самостоятельно обжаловать соответствующее процессуальное решение следователя.

Совет отмечает, что указанные выше действия адвокат З. должна была совершить в каждой ситуации, когда ей становилось известно о заявлении обвиняемым Е. отказа от нее как от защитника.

В заседании Совета адвокат З. пояснила, что рукописные заявления обвиняемого Е., датированные 26 апреля, 08, 15 и 17 мая 2024 года не передавались следователю в ее присутствии, не согласовывались с ней и не доводились до ее сведения в момент их заявления. О подаче таких заявлений и соответствующих процессуальных решениях следователя по ним она узнала только при ознакомлении с материалами уголовного дела. Заявитель Е. не оспаривал данное утверждение и не представил доказательств обратного.

При таких обстоятельствах Совет, руководствуясь презумпцией добросовестности адвоката и вопреки заключению Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но совершившей ошибку в правовой квалификации деяния адвоката, считает необходимым исключить из дисциплинарного обвинения и, соответственно, прекратить дисциплинарное производство в части неподдержания адвокатом З. рукописных заявлений обвиняемого Е., датированных 26 апреля, 08, 15 и 17 мая 2024 года, об отказе от нее и в непринятии иных мер, направленных на оказание помощи Е., поскольку адвокат З. не была осведомлена о факте обращения обвиняемого Е. к следователю с такими заявлениями.

Вместе с тем, адвокатом З. не было поддержано ни одно из устных заявлений Е. об отказе от нее, которые были сделаны в ее присутствии 08 мая 2024 года в ходе совместного ознакомления с постановлениями о назначении судебных экспертиз и 15 мая 2024 года в ходе совместного ознакомления с заключениями экспертов. Адвокат З. также не оказала Е. какой-либо помощи в составлении жалоб на нарушение следователем его права на защиту и не обжаловала самостоятельно соответствующие процессуальные решения следователя.

По этой причине Совет признает презумпцию добросовестности адвоката З. опровергнутой в данной части и приходит к выводу о ненадлежащем исполнении ею профессиональных обязанностей перед доверителем Е., выразившемся в неподдержании 08 и 15 мая 2024 года заявлений последнего об отказе от нее и в непринятии исчерпывающих мер (учитывая сложности в общении, вызванные протестным поведением доверителя), направленных на оказание помощи Е. в составлении жалобы на нарушение следователем его права на защиту и/или на самостоятельное обжалование соответствующих процессуальных решений следователя.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката З. за совершенный ею дисциплинарный проступок,

Совет отмечает его умышленный и грубый характер, сопряженный с явным игнорированием адвокатом обязательных профессиональных правил оказания юридической помощи доверителю по уголовным делам в ситуации заявления им об отказе от защитника. Пренебрежение адвокатом З. неоднократными и явно выраженными заявлениями доверителя об отсутствии доверия к ней, а также обязательными требованиями, содержащимися в разъяснениях Совета, принятыми в пределах его компетенции, Совет признает недопустимым профессиональным поведением.

Вместе с тем, учитывая, что ранее адвокат З., имеющая длительный профессиональный стаж, не привлекалась к дисциплинарной ответственности, Совет предоставляет ей дополнительную возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и приходит к выводу о применении к ней меры дисциплинарной ответственности в виде предупреждения, как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Применить к адвокату З. (регистрационный номер …в Едином государственном реестре адвокатов) меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с Разъяснением № 1 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О поведении адвоката-защитника при отказе от него» и Разъяснением № 2 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об участии в делах по назначению», исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Е., выразившееся в неподдержании 08 и 15 мая 2024 года заявлений обвиняемого (подозреваемого) Е. об отказе от нее и в непринятии исчерпывающих мер, направленных на оказание помощи Е. в составлении жалобы на нарушение следователем его права на защиту и/или на самостоятельное обжалование соответствующих процессуальных решений следователя.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката З. по жалобе Е. от 11 сентября 2024 года (вх. № … от 12.09.2024), вследствие отсутствия в иных действиях

(бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы **С.Б. Зубков**